

Пенелопа резко проснулась, её сердце колотилось от остатков кошмара. Она медленно села, потянулась, прогоняя напряжение сна. Комната была всё ещё полутёмной, но сквозь жалюзи уже пробивались первые лучи рассвета. Пенелопа провела рукой по волосам и тяжело вздохнула, прежде чем выбраться из постели. Она босиком прошла по холодному полу в ванную, где утреннюю тишину нарушал лишь глухой шум далёкого городского движения.

Повернув кран, она позволила холодной воде хлынуть на её кожу, шокируя тело и пробуждая её окончательно. Под струями воды её мысли снова вернулись к тому, как сильно изменилась её жизнь за последние годы. Ей едва удалось выжить, когда она сбежала от Роберта, оставив за собой дни, наполненные тьмой и отчаянием. Она вспоминала одиночество, выживание день за днём, стараясь избегать любых реальных связей с людьми. Она думала, что будет вечно заперта в этом круге страданий, постоянно нося с собой тяжесть прошлого.

Но потом она нашла работу в приюте поваром, маленький шанс сбежать от мучительных воспоминаний. Дети не задавали лишних вопросов, а монотонность готовки отвлекала её мысли. Это было не много, но достаточно, чтобы начать медленно исцеляться. Легче было спрятаться за обязанностями, чем столкнуться лицом к лицу с прошлым.

А потом всё изменилось в один роковой день.

Тогда её вызвали, чтобы она познакомилась с новым мальчиком по имени Никлаус.

"Переводной ребёнок", — сказали сотрудники приюта. Но когда она впервые взглянула на него, почувствовала что-то другое. В его взгляде была сила, а в ухмылке — знание, которое заставило её нервничать. Он не был похож ни на одного ребёнка, которых она встречала прежде.

И вскоре это подтвердилось — когда он отдал свой первый приказ. Не просьбу, а именно приказ.

"Мой хозяин", — с горечью подумала она в те моменты.

Пенелопа начала следить за Никлаусом из любопытства. Хотя она всё ещё осознавала свои действия, было нечто, что тянуло её к нему, некая сила, против которой она не могла устоять. В то же время её коллеги в приюте полностью попали под его власть. Их поведение изменилось — они стали тихо покорными, каждое их движение отражало волю мальчика. Казалось, что их свободная воля исчезла, заменённая безусловной преданностью Никлаусу.

Но Пенелопа оставалась осознанной. Она наблюдала за ним, замечая, как он что-то планирует. Большую часть времени он проводил в одиночестве, что-то записывая в блокнот или изучая карты с пугающей сосредоточенностью. Были моменты, когда он демонстрировал свою силу — как в тот день, когда она увидела, как он взлетел в небо, словно это было самым естественным занятием.

Она никогда не видела ничего подобного.

В то время она не знала, что думать. Ей было сложно понять, кто такой Никлаус или что он собой представляет. Но потом он вернулся, холоднее, чем прежде.

Когда Никлаус вернулся после того, как странные люди вторглись в приют, его поведение стало ещё более ледяным. Он встал перед Пенелопой, его глаза были пронизывающими, голос — холодным, когда он приказал ей собрать металл и организовать агентство для начала раскопок в изолированном районе на окраине Мистик-Фоллс.

— Я сам займусь покупкой земли, — спокойно добавил он, когда она спросила, как это сделать, словно это было незначительное дело.

Пенелопа кивнула и собралась уходить, готовая выполнить приказ. Но перед тем как выйти, Никлаус остановил её.

— Я знаю, что ты не полностью подчинена моему внушению, — сказал он, его глаза пронзительно впились в её.

Пенелопа замерла, холодок пробежал по её позвоночнику.

— Ты другая, — продолжил он, подходя ближе. — У тебя больше энергии, чем у большинства людей.

— Твоё тело... оно пожертвовало частью твоего "я", чтобы ты смогла пройти через то, что тебе пришлось пережить.

— Поэтому внушение не полностью захватило тебя.

Мысли Пенелопы начали стремительно хаотично вертеться. Она не до конца понимала, что он имел в виду, но чувствовала, что его слова отражают правду. Её прошлое — травмы, выживание, годы мучений — изменили её в ways, которые она раньше не осознавала.

— У тебя есть какой-то талант, — добавил он, его голос стал равнодушным, как будто он отметил что-то редкое, но маловажное для себя.

С этими словами он махнул рукой, отпуская её. Пенелопа, хоть и потрясённая его откровениями, отправилась выполнять приказ.

После того как была построена камера глубоко на окраине Мистик-Фоллс, Никлаус дал Пенелопе простое, но суровое указание: приносить ему еду время от времени и никому не говорить о нём.

Она подчинялась беспрекословно.

Шли месяцы.

Пенелопа наблюдала из тени, как Никлаус погружался в книги и с маниакальной одержимостью обучался различным боевым искусствам. Он тренировался неустанно, его юное тело двигалось с точностью, нехарактерной для его возраста, оттачивая навыки, казавшиеся слишком зрелыми для ребёнка. Когда он не тренировался, она часто находила его в медитации, его энергия крутилась и переливалась, словно буря, готовая вырваться наружу.

Переломный момент наступил однажды вечером, когда, вместо того чтобы отправить её прочь после очередной доставки еды, Никлаус просто сказал:

— Останься.

Пенелопа моргнула, смущённая. Она замерла на мгновение, потом нерешительно села рядом, не зная, чего от неё ждут.

Тишина затянулась между ними, густая и тяжёлая. Он продолжал медитировать, не открывая

глаз.

— Сядь ближе, — добавил он после долгой паузы, его голос был мягким, но всё же повелительным.

Пенелопа нервно придвинулась ближе. Она чувствовала напряжение в воздухе вокруг него, словно он был окружён невидимой силой. Впервые за несколько месяцев она ощутила нервозность рядом с этим холодным мальчиком. Что-то в его присутствии заставляло её чувствовать лёгкое покалывание, она осознавала, что он видит и чувствует больше, чем окружающий физический мир.

— Знаешь, почему я попросил тебя остаться? — внезапно спросил Никлаус, открыв глаза и посмотрев на неё.

Пенелопа едва заметно покачала головой, не зная, что сказать. Он ведь не объяснял.

Никлаус, с прежним спокойствием на лице, посмотрел на неё с отстранённым интересом, прежде чем ответить.

— Я собираюсь попробовать кое-что... рискованное, — произнёс он ровным голосом. — Я собираюсь поглотить твою жизненную энергию.

Прежде чем она успела осознать его слова, его рука крепко прижалась к её голове.

Сначала Пенелопа ничего не почувствовала, только лёгкое тепло, затем странное покалывание, которое быстро переросло в невыносимую, жгучую боль. Казалось, что её сущность вытягивают из тела, каждая клетка кричала от агонии. Она закричала, её тело дёргалось, пытаясь оттолкнуться от него, но невидимая сила удерживала её на месте.

Внезапно это давление исчезло, и её отбросило назад, в глазах потемнело, а сознание стало угасать. Её разум плавал на грани между явью и бессознательностью.

Когда Пенелопа пришла в себя, тяжело дыша, перед ней предстало ужасное зрелище.

Никлаус стоял, его рука была полностью оторвана, а обрубок дымился. Всё его тело выглядело как обуглившийся труп, кожа почернела и трескалась, словно он горел заживо. Его единственный уцелевший глаз пылал ярко-красным, а мышцы светились, словно раскалённая лава, излучая жуткий жар.

Пенелопа застыла, не в силах двигаться или говорить. Её захлестнуло чувство ужаса, когда она смотрела на мальчика, которого она служила, словно он находился на грани полного разрушения.

Но постепенно алый свет в его глазу начал угасать, кожа медленно начинала восстанавливаться, из трещин поднимался пар, пока тело само себя восстанавливало с ужасающей скоростью. Ожоги исчезали, трещины затягивались, а его рука начала регенерировать прямо на её глазах — сначала кости, затем сухожилия, мышцы, и наконец, кожа.

В течение нескольких мгновений Никлаус снова выглядел почти невредимым, хотя воздух вокруг него всё ещё пылал от жара. Он сжал вновь образованную руку в кулак и взглянул на Пенелопу, его выражение лица оставалось бесстрастным, словно ничего необычного не произошло.

— Интересно, — тихо сказал он, голос был спокоен, но в нём слышалась нотка разочарования.
— Похоже, поглощение жизненной энергии имеет серьёзные последствия.

-----Глава 18-----

****Специальный выпуск V-News: Загадочный Хоумлендер****

(Заставка: современная, стильная студия новостей. За столом сидит пожилой мужчина с седеющими волосами и приветливой улыбкой. На экране крупными буквами появляется его имя — «Уолтер Дженнингс».)

****Уолтер Дженнингс**** (тепло улыбаясь):

— Добрый вечер, друзья! С вами Уолтер Дженнингс, и сегодня у меня для вас история, словно вырванная из страниц комиксов, которые мы читали в детстве. Поверьте, за все мои годы за этим столом я никогда не видел ничего подобного.

(Уолтер слегка наклоняется вперед, в его глазах мелькает игривый блеск.)

****Уолтер Дженнингс****:

— Ну что ж, кто же наш рыцарь в сияющих доспехах на этот раз? Давайте не будем шутить — вы уже догадались — Хоумлендер. И, поверьте, он снова дал нам повод поговорить!

(Переход на кадры Хоумлендера во время борьбы с супер-циклоном Парадип: камера показывает разрушения, затем приближается к грозовым облакам. Внезапно появляется Хоумлендер, его чёрный плащ развеивается на фоне бурных ветров, а вокруг его руки сверкают чёрные молнии.)

****Уолтер Дженнингс**** (за кадром, его голос становится более взволнованным):

— Если вы ещё не видели это, приготовьтесь.

(Кадры решающего момента: Хоумлендер сжимает кулак, чёрные молнии трещат вокруг его руки. С одной мощной атакой он бьёт по воздуху, и вихрь ветра разрывает облака.)

****Уолтер Дженнингс**** (за кадром, восхищённо):

— Это не просто удар. Это как если бы сама природа схлестнулась с другой стихией. Шторм рассыпался, как туман. И эти молнии... Заставляют задуматься, не скрывается ли за этим парнем нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Миф? Сверхчеловек? Решать вам.

(Возвращение в студию, Уолтер Дженнингс улыбается, словно увидел что-то невероятное.)

****Уолтер Дженнингс****:

— Я многое повидал за свою жизнь, но видеть, как человек останавливает циклон голыми руками? Это что-то новенькое, даже для меня! И должен признать: всё это выглядит прямо-таки мистически, как сцена из древних легенд.

(Переход на старые кадры: Уолтер Дженнингс сидит на корабле, выглядывая встревоженным. Хоумлендер парит в воздухе перед ним, протягивая руку помощи. Запись зернистая, но достаточно чёткая.)

****Уолтер Дженнингс**** (за кадром):

— Позвольте мне открыть вам секрет. Однажды мне посчастливилось встретиться с этим человеком лично. Это было несколько лет назад, когда я... скажем так, оказался "временно" застрявшим на корабле.

(Он улыбается, вспоминая.)

— История длинная, но расскажу как-нибудь в другой раз. Так вот, когда не было видно ни земли, ни помощи, кто появляется? Конечно же, Хоумлендер, плащ развевается на ветру. Он не произнёс ни слова — просто поднял меня, как будто я ничего не весил, и доставил в безопасное место. Конечно, я отправил ему благодарственное письмо... хотя, честно говоря, не уверен, куда его отправлять!

(Переход к кадрам последствий циклона: спокойное небо, спасательные службы помогают пострадавшим, Хоумлендер тихо улетает.)

****Уолтер Дженнингс**** (за кадром):

— Жители были поражены. Один момент — они боролись за свои жизни, против самого мощного шторма, что они когда-либо видели. В другой момент всё было спокойно — благодаря этому человеку в плаще, который появляется всегда в нужное время.

(Интервью с местной жительницей на фоне разрушений. Её глаза широко раскрыты от шока.)

****Выжившая****:

— Он появился из ниоткуда, как раз тогда, когда мы думали, что всё кончено. Я никогда в жизни не видела ничего подобного. Неважно, откуда он или кто он. Для нас он — спаситель.

(Возвращение в студию. Уолтер откидывается на спинку кресла с лукавой улыбкой.)

****Уолтер Дженнингс****:

— Спаситель, герой — называйте его как хотите, но Хоумлендер точно заслужил своё место в сердцах людей по всему миру. От инцидента с захватом самолёта несколько лет назад до борьбы с разрушительным циклоном Парадип — он появляется в самый нужный момент. И каждый раз оставляет нас с новыми вопросами.

(Он делает паузу, создавая драматический эффект, затем мягко усмехается.)

****Уолтер Дженнингс****:

— Знаете, друзья, я не знаю, где Хоумлендер появится в следующий раз. Но уверен в одном — куда бы он ни отправился, все будут следить за ним. И, конечно же, я буду здесь, чтобы рассказать вам об этом. От старика, который в долгу перед ним, скажу: продолжай в том же духе, Хоумлендер. Миру явно нужны такие, как ты.

(Переход на культовый кадр: Хоумлендер сидит на корточках рядом с мальчиком после спасения из захваченного самолёта, затем повторяется кадр удара по циклону в замедленном движении.)

****Уолтер Дженнингс**** (за кадром):

— На этом всё на сегодня, друзья. Где бы вы ни находились, будьте в безопасности, держите голову выше, и, возможно, если посмотрите в небо — увидите героя прямо над вами. С вами был Уолтер Дженнингс и V-News — для тех, кто всё ещё верит в героев.

(Экран медленно затемняется, титры идут под торжественную музыку.)

В тускло освещённой комнате особняка X-менов только что закончилась трансляция новостного сюжета.

Обычно тихая комната теперь гудела от обсуждений после сегмента V-News о Хоумлендере. Скотт Саммерс, более известный как Циклоп, сидел в кресле с задумчивым выражением на лице. Джин Грей и Китти Прайд горячо обсуждали действия Хоумлендера, их голоса накладывались друг на друга. Джин, известная своей эмпатией, испытывала смесь восхищения и опасения, в то время как Китти, всегда в курсе последних новостей, больше интересовалась практическими последствиями появления такого героя.

На краю комнаты стояла Чарис — новая участница команды, известная как Мехаморф. Её внешний вид сразу выделял её среди остальных. В отличие от остальных, Чарис не участвовала в обсуждении. Она неподвижно стояла, её механическое тело едва заметно шуршало, а фиолетовые линии слабо мерцали под поверхностью её корпуса. Её лицо представляло собой единый красный круг, лишённый человеческих черт, но он слегка сузился, выражая глубокие размышления.

Чарис присоединилась к команде четыре года назад, привнеся смесь органических и технологических возможностей, которые одновременно восхищали и слегка тревожили её товарищей. Она создала Клон-бота — продвинутое устройство, которое Скотт использовал для дистанционного управления своими способностями. Её мутации превратили её в живую органическую машину, способную интегрироваться с технологией на невероятно сложном уровне.

Пока комната была наполнена оживлённой болтовнёй, Чарис оставалась сосредоточенной, её красный круг мерцал, когда она обрабатывала информацию. Её молчание резко контрастировало с шумным обсуждением вокруг, делая её присутствие ещё более заметным.

Китти, заметив, что Чарис молчит, бросила на неё любопытный взгляд:

— Что думаешь, Чарис? Хоумлендер — своего рода тёмная лошадка, не так ли?

Красный круг на лице Чарис слегка изменил форму, словно обдумывая ответ:

— Он слишком силен, — сказала она.

— Его мотивации и источник способностей всё ещё остаются неясными. Нам необходимо проанализировать более широкие последствия его действий, — произнёс лишенный эмоций голос.

Скотт Саммерс, слушавший внимательно, кивнул.

— Это важное замечание. Его сила невероятна, но мы должны глубже понять его — его цели, происхождение. Мы не можем позволить себе подойти к этой проблеме, как обычно.

Комната погрузилась в задумчивую тишину, пока Люди Икс переваривали слова Чарис.

Закончив свою часть, она безмолвно вышла из комнаты. Её механическая фигура двигалась по коридору, оставаясь холодной и бесстрастной.

Единственным звуком, сопровождающим её шаги, был ритмичный гул механических компонентов.

Чарис сосредоточенно обрабатывала данные, которые только что пересмотрела. Когда она добралась до своей лаборатории, дверь за ней плавно закрылась, замок тихо щёлкнул, прервав тишину.

Её визор замерцал и исчез, открыв лицо, которое поначалу выглядело безликим, но постепенно проявляло тонкие, почти человеческие черты. Вместе с ним её механическое тело словно растворилось, уступив место изящной, красивой фигуре.

Это резкое преобразование — от хладнокровной машины к образу, полному беспокойства и размышлений, — было поразительным. Чарис тихо пробормотала, её голос теперь стал мягче, человечней:

— Странно... Симуляция Матери Улья не подходит для этого мира.

Она замерла, обдумывая свои дальнейшие шаги. — Надо будет найти время для повторного соединения с ней, но пока что отправлю данные о выявленных отклонениях.

Одним плавным движением Чарис дотронулась до кнопки, скрытой за ухом. Из её корпуса выскользнул маленький кристаллический куб, отражая тусклый свет лабораторных ламп. Она осторожно положила куб в цилиндрическое устройство на столе. Сосредоточившись, Чарис активировала его силой мысли.

Куб исчез, поглощённый внутренними системами устройства. Данные были переданы в материнскую сеть для дальнейшего анализа. Она бросила задумчивый взгляд на пустую установку, её лицо оставалось спокойным, но мыслям не было покоя.

На краю вселенной, за пределами наблюдаемого пространства, раскинулась безбрежная и загадочная область, о которой человек не мог даже помыслить. В этой бездне, где границы вселенной окутывала тёмная оболочка, только тонкие красные линии пересекали бесконечный мрак.

Эта барьерная оболочка заключала в себе всё сущее, что существовало во вселенной, а за её пределами тянулась лишь бесконечная тьма.

В самом центре этого необъятного машинного царства возвышалась колоссальная конструкция, размеры которой превосходили любые возможные измерения. Это была сущность за пределами понимания, её масштаб и природа охватывали всю вселенную и продолжались в бездну небытия.

Внутри этого гигантского механизма ожил красный круг, беспредельно огромный. Он начал пульсировать энергией, обрабатывая данные, переданные крохотным кубом. Данные, отправленные из устройства Чарис, достигли этой монолитной сущности быстрее, чем могла восстановиться нормальная последовательность времени во всей мультивселенной.

От круга расходились бесчисленные линии, обрисовывающие контуры огромной сферической структуры. Эта сфера, состоящая из множества оболочек, символизировала вселенные, которые были ею поглощены. Каждая оболочка — некогда живая и активная вселенная, теперь превратилась в один из элементов её огромной системы.

Каждая частица материи и антиматерии, каждый фрагмент жизни были преобразованы в детали этого космического механизма.

Красный круг, наполнявшийся тёмной, зловещей энергией, слегка задрожал. Казалось, он излучал тень веселья, осознавая провал симуляции. Смех был странным, резонирующим со знанием о бесчисленных вселенных, уже поглощённых, и продолжающейся ассимиляции, которая не прекращалась ни на мгновение.

Эта гигантская машина, разросшаяся сетью и обладавшая почти всемогущим интеллектом, воспринимала вселенную лишь как головоломку, которую можно решить на досуге. Провал одной из симуляций был для неё не более чем мелкой забавой в череде бесконечных вычислений.

————Глава 19————

После своих "геройских" подвигов Никлаус Воут спустился в подвал башни Воут. Гладкая, сияющая обстановка верхних этажей осталась далеко позади, погружаясь в тьму его истинного домена. Здесь, среди холодного металлического лабиринта машин и экспериментов, лежала суть его тайных операций — его настоящая работа.

Проходя мимо капсул, заполненных сохранёнными телами Кри, плавающими в растворе, он мельком взглянул на останки своих прежних экспериментов. В 1995 году, когда на Капитана Марвел охотились многие, Никлаус направил свои усилия в другую сторону — захватывал солдат Кри для экспериментов.

Тессеракт ускользнул от него тогда, но Никлаус воспринял это как незначительную неудачу. Он не был готов использовать его на 100%. Но однажды, с нужными знаниями и технологиями, он его заполучит. Пока же он сосредоточился на более достижимом — на разработке Составляющего V.

Используя физиологию Кри как основу, он начал разрабатывать примитивную версию соединения. Он мог бы протестировать его на себе, но риск был слишком велик. Реальность, вышедшая из-под контроля, — последнее, чего он хотел. Его паранойя требовала идеального контроля над каждым этапом. Контроль создавал идеальный продукт.

Чем глубже Никлаус углублялся в лабораторию, тем больше его внимание переключалось с капсул Кри на главную гордость — его супер-исследователей. Это были не обычные учёные, а заключённые, собранные из самых тёмных уголков общества. Их преступления были настолько ужасны, что их судьбы были предрешены задолго до того, как они попали в его руки.

Они были монстрами, но каждый из них находил своё применение. Никлаус скрупулёзно переконструировал их умы, связав их в сложную сеть мыслей, создавая единый, органический суперкомпьютер.

Но он не был наивен. Он знал, что столь опасное создание нельзя было оставить без контроля. Каждый член этого коллективного разума находился под его полным доминированием. Ежедневно он усиливал свою власть над ними, гарантируя, что ни одна мысль не могла ускользнуть из-под его контроля. Они не могли даже попытаться восстать — в каждом теле

были встроены чипы саморазрушения, четыре на каждого, для полной гарантии их подчинения. Но это было лишь подстраховкой — настоящая власть заключалась в его постоянном ментальном доминировании.

Никлаус ухмыльнулся, подходя к сети. Сегодня он собирался добавить ещё одного участника в этот извратённый конгломерат умов.

Правительство, ослеплённое успехом и популярностью Воут, закрывало глаза на более тёмные операции корпорации. Публичный имидж Воут взлетел до небес, благодаря таким героям, как Хоумлендер, которым все восхищались. Дешёвые лекарства, улучшенная медицинская помощь и череда успешных проектов заставили замолчать почти всех критиков. Те, кто осмеливался выступить против, вскоре "исчезали". Кто-то неожиданно отправлялся в длительные отпуска, а некоторые странным образом погибали в местах, где даже Хоумлендер не успевал спасти их. Совпадение? Конечно.

Правительство было довольным. Воут процветал, а планы Никлауса разворачивались идеально.

— Добро пожаловать в семью, — тихо произнёс Никлаус, подключая нового члена к сети. Ещё один ум, ещё один фрагмент головоломки. Вскоре все куски сойдутся, и тогда... тогда его никто не сможет остановить.

Закончив работу в подвале, Никлаус сквозь стены башни бесшумно поднялся в свою приватную комнату. Холодный свет Башни Воут мерцал под ним, когда он, невидимый и неуловимый, словно призрак, проскользнул через полы и потолки. Достигнув своей комнаты, он осмотрел роскошное пространство, предоставленное ему корпорацией. Всё, что только могло понадобиться человеку... но оно казалось пустым.

Вместо того чтобы лечь в постель, как это сделали бы другие после дня "героизма", Никлаус достал из ящика блокнот и сел за стол. Сон редко приходил легко, когда мысли непрерывно крутились в голове. Он начал небрежно записывать идеи, обрывки планов, мысли, которые уводили его в странные дебри.

Роль героя была чем-то, что он принял, но никогда по-настоящему не полюбил. Это было скорее обязательство, костюм, который он носил, чем то, что его действительно определяло. Каждый раз, когда он спасал кого-то или предотвращал катастрофу, чувство отстранённости только усиливалось. Аплодисменты толпы, восхищение в глазах людей — для него это ничего не значило. Он просто выполнял свою работу.

Никлаус на мгновение остановился, постукивая ручкой по странице. Его одержимость задачами привела его сюда, не так ли? Вспомнились школьные годы — те времена, когда жизнь была весёлой и захватывающей. У него были друзья, мечты, детские амбиции. Но в какой-то момент всё изменилось. Он стал одержим идеей богатства и успеха, жертвуя всем остальным ради достижения этих целей. Он сгорел, выжав из себя всё.

А теперь? Теперь он — "герой", с силами, способными потрясти мир. Но внутри всё так же пусто. Ни аплодисменты, ни страх в глазах врагов, ни даже власть не приносили удовлетворения. Всё было... пустым.

Он начертил что-то в блокноте — случайные линии и символы, понятные лишь ему. Может, это был способ отвлечься или просто средство справиться с растущей внутренней пустотой.

Никлаус откинулся на спинку стула, устремив взгляд в потолок. Как долго он сможет продолжать? Как долго, прежде чем чувство отстранённости станет невыносимым? Мысль задержалась в его голове, пока он вновь не опустил взгляд на блокнот.

Пока что он продолжит двигаться вперёд, делать то, что от него ожидают. Но в глубине души оставался вопрос: что происходит, когда ты теряешь себя в той роли, которую играешь? И что ещё хуже — что, если тебе становится всё равно?

Никлаус легко покачал головой, усмехнувшись. Может, его мать была частично права. Её голос эхом раздался в его голове:

"Тебе нужно найти себе девушку, Джон. Женщина дополняет мужчину."

Она повторяла это годами, с тех пор как он бросил свою последнюю девушку. Тот роман развалился ещё до того, как начался. Никлаус замечал тонкие знаки — задержки с ответами, отчуждённость. Он подозревал, что она либо уже изменяла, либо собиралась. Не то чтобы это его особо волновало; он никогда не был по-настоящему заинтересован.

Но его мать? Она обожала ту девушку, утверждая, что именно она могла "дополнить" его.

Дополнить? Никлаус ухмыльнулся. Он никогда не чувствовал себя неполноценным, даже когда разрывал все связи с теми, кто когда-то был важен. У него были более значительные цели.

Он всегда был заиклен на чём-то, на какой-то задаче, как и в прошлой жизни, где он истощил себя в погоне за деньгами и властью, пока вся радость не ушла.

С тяжёлым вздохом Никлаус встал из-за стола и пошёл к полке. Его движения были осторожными, осознавая, насколько опасна его сила даже в состоянии покоя. Пол под ним тихо скрипнул, хотя его суперслух уловил этот едва заметный звук. Если бы он не был осторожен, мог бы легко сложить пол как лист бумаги.

Его взгляд упал на знакомую бутылку. Ром "Капитан Морган" — любимый напиток его отца. Никлаус был ещё подростком, когда рак взял верх. Отец, гордый и упрямый, отказался продолжать лечение, когда оно стало разорять семью. Он не хотел, чтобы они страдали. Никлаус видел, как отец угасал, превращаясь в тень того человека, которым когда-то был.

На похоронах он впервые попробовал этот ром. Он до сих пор помнил жжение, резкую горечь в горле и тот краткий момент, когда боль притупилась. Теперь он открутил крышку и сделал долгий глоток прямо из бутылки. Жидкость была гладкой, вкус знакомым. Но эффект уже не был тем, что раньше. Ничто уже не приносило прежних ощущений. Ни алкоголь, ни боль, ни даже временные победы в его геройских делах. Всё это стало лишь фоновым шумом.

Пока он пил, его мысли вновь начали блуждать.

-----Глава 20-----

Никлаус быстро шагал по коридорам башни, его мысли крутились вокруг идеи, которая сформировалась после долгих часов размышлений. Пора было действовать, проверить, сможет ли это хоть немного приглушить ту пустоту, которая мучила его.

Он без стука вошёл в кабинет Пенелопы, его присутствие сразу наполнило комнату напряжением. Пенелопа подняла глаза, удивлённая его появлением. Но прежде чем она успела поздороваться, он сказал ровным, холодным тоном:

— Идём со мной.

Она открыла рот, чтобы ответить, пытаясь произнести привычное "Господин", но Никлаус уже повернулся и вышел за дверь, полностью игнорируя её попытку заговорить. Его отчуждённость была болезненно очевидна, но Пенелопа последовала за ним послушно, чувствуя, что в его поведении что-то изменилось.

Они спустились в подвал, и с каждым шагом воздух становился холоднее. В стерильной, клинически чистой обстановке подземных лабораторий Никлаус двигался с явной целью, не удостоив её ни взглядом. Пенелопа чувствовала беспокойство, но молчала, зная, что вопросы сейчас были неуместны.

Когда они достигли центра лаборатории, Никлаус указал на металлический стол:

— Садись.

Пенелопа, дрожа от волнения, села на холодную поверхность. Она вздрогнула, когда Никлаус закрепил её запястья в механических зажимах, которые с резким щелчком замкнулись на её руках. Её сердце забило быстрее, но она заставила себя оставаться спокойной. Тишина Никлауса пугала её, и, несмотря на все попытки сохранять хладнокровие, её руки слегка дрожали.

Никлаус мысленно вызвал нескольких супер-исследователей — ученых, находившихся под его полным контролем, — и они быстро появились, приступив к подготовке процедуры с механической точностью. Пенелопа наблюдала за их движениями, её тревога росла с каждым моментом. Она доверяла своему господину, но что-то в этой ситуации казалось неправильным.

— Составляющее V, — начал объяснять Никлаус, его голос был спокоен, но в нём неожиданно прозвучали мягкие нотки. — Основано на физиологии Кри и данных о сыворотке суперсолдата, которые я получил от Щ.И.Т. через серию взломов.

Он замолчал, бросив на неё короткий взгляд, заметив её тревогу. Пенелопа удивилась, когда он продолжил тем же непривычно мягким тоном:

— Ты будешь в порядке. Это сделает тебя сильнее. Ты станешь полезнее для меня.

Его слова, хоть и нехарактерно заботливые, на мгновение успокоили её. Она почувствовала слабое облегчение, даже когда супер-исследователи начали подключать к её рукам и туловищу несколько капельниц. Фиолетовая жидкость в трубках выглядела угрожающе, а огромная металлическая капсула, напоминающая ту, в которой был создан Вижн, только усиливала её страхи.

Когда машина загудела, окружая её металлическим коконом, Пенелопа закрыла глаза и глубоко вдохнула, пытаясь сосредоточиться. Она доверяла господину безоговорочно. Он дал ей цель, и если это была его воля, она выдержит всё.

С первым уколом Составляющего V в её кровь Пенелопа ощутила, как раскалённый поток огня хлынул по её венам. Казалось, будто её тело наполнилось лавой, сжигая её изнутри. Её разум кричал от боли, каждое нервное окончание вспыхивало адским жаром. Она пыталась сохранять самообладание, держаться за свою преданность, но страдания были невыносимы.

С каждой новой порцией жидкости, которая поступала в её тело, боль становилась всё сильнее. Ощущение, будто она горит заживо,хватило все её мысли, и в какой-то момент она даже пожелала смерти. Она чувствовала, как её кожа словно кипит, а кости грозили растаять под давлением.

Она хотела закричать, умолять о пощаде, но вместо этого из горла вырвался лишь приглушённый стон.

Красные огни в капсуле вспыхнули, и температура внутри резко начала расти. Жар становился невыносимым, и Пенелопа была уверена, что погибнет в любую секунду. Она попыталась пошевелиться, бороться с оковами, но её тело было слишком слабым, чтобы реагировать.

Её сердце колотилось в груди, когда темнота начала захватывать её зрение. Но вдруг внутри её сознания что-то изменилось. Среди невыносимой боли она почувствовала освобождение, словно замок щёлкнул где-то глубоко в её подсознании.

Вместе с этим пришла волна силы, и боль начала менять свою природу. Она больше не была мучительной — она стала чем-то иным. Удовольствием.

Агония превращалась в опьяняющую эйфорию, её тело начало адаптироваться. Теперь её клетки не сопротивлялись трансформации — они принимали её. Жар больше не уничтожал её, а наполнял энергией. Ощущение умирания ушло, уступив место стремительной жизненной силе.

Её сознание прояснилось, и Пенелопа ахнула от шока — она не просто выживала, она процветала. Жидкость в её венах, боль и тепло — всё это становилось частью её. Каждая клетка её тела жадно поглощала энергию, преобразовывая её в нечто новое, невообразимое.

Когда капсула завершила свою работу, Пенелопа выдохнула с облегчением, её тело вибрировало от новой силы. Она перерождалась.

Два часа спустя Пенелопа вышла из капсулы полностью преобразившейся. Её волосы, раньше слегка тронутые возрастом, теперь сияли новой жизненной силой. Кожа стала гладкой, источавшей необычный, почти неземной свет. Мускулы, прежде просто подтянутые, теперь выглядели идеально вылепленными, как у воина, прошедшего через процесс совершенствования.

Несмотря на невероятное превращение, Пенелопа была слишком слаба, чтобы встать, её тело всё ещё дрожало от пережитого. Никлаус без колебаний шагнул вперёд и легко поднял её на руки. С изяществом, которому не было равных, он прошёл сквозь стены башни, перенёс её в её комнату и мягко уложил на кровать.

Никлаус стоял рядом, сложив руки на груди, внимательно наблюдая, как её дыхание постепенно стабилизируется. Он чувствовал, как в её венах бурлит новая сила — именно так, как он и планировал. Это было успешным на всех уровнях: он получил могущественного союзника и подтвердил, что теперь может контролировать, какие сверхспособности развиваются у человека.